

словной чести. Далее следует монолог Памелы, проникнутый христианским духом обличения гордости и тщеславия богатых и уважением к личному достоинству человека, основанном на равенстве всех пред «Судией нелицемерным». Заканчивается монолог весьма примечательной сентенцией, авторство которой полностью принадлежит переводчику: «Можно им сказать: что вам богатство и знатная природа, когда гордостью и злостью была отнята свобода; Рим тогда блистал во славе, как злата не знали, получа много богатства славу потеряли; в нищете жить да с делами добрыми полезно, а со златом, но презрен, живет иной слезно» (№ 83, л. 6). Очевидно, что для Шишкина, небогатого дворянина, выдвинувшегося благодаря стараниям и уму, тема «естественного равенства» приобретает особое значение: при оценке достоинства человека критерием для него выступает не богатство и знатность, а «добрые дела», которые Шишкин связывает с идеей процветания государства (обобщенного в образе «Рима»).

Приведем еще несколько примеров, в которых переводчик вносит в текст свои дополнения. В эпизоде, в котором мистер Б. предлагает героине устроить ее судьбу, искушая добродетель Памелы, она, отказываясь, называет его Люцифером, пришедшим из Ада погубить ее, ибо (поясняет Шишкин) «человеку невозможно так напасть и искать гибели неповинной» (№ 82, л. 125).

В другом эпизоде, в котором мистер Б. пытается условиться с Памелой о дне их венчания, Шишкин добавляет целую фразу: «...удостой Понедельник одним щастьем нам во окончание всех бывших предзнаменований...» (№ 83, л. 24), — примечательную тем, что переводчик довольно удачно передает светскую «игривость» тона мистера Б.

Язык перевода Шишкина стилистически разнообразен. Для передачи речи Памелы особая роль отведена церковнославянской лексике, с помощью которой строятся возвышенные монологи героини. Например, один из эпизодов, в котором Памела (уже готовая броситься в пруд) благодаря «Божьему вразумлению» познает «свое заблуждение», заканчивается словами: «...поспешай прочь и в и ж д ь Божию к себе милость» (№ 82, л. 107; разрядка здесь и далее моя. — В. К.). Ту же стилистическую функцию выполняют и другие встречающиеся в переводе церковнославянские слова и обороты: «мысленными очами», «надеюсь, что он стопы моя направит», «избави мя сетей лукавых» и подобные. Однако в большинстве случаев используемые Шишкиным церковнославянизмы не несут какой-либо стилевой окраски. Нередко они соседствуют с просторечиями: «„Нанон, Нанон!“ — кликала <я> слабым г л а с о м . Она так и с п у ж а л а с ь , что, подхвата полено, п р и ш и б и т ь меня хотела» (№ 82, л. 108).

Желая сохранить разговорные интонации оригинала, Шишкин